

Качели

Как маятник меж полюсами,
Пронзают время и пространство,
На миг над бездной зависая,
До гипнотического транса,
До колкого восторга в пальцах –
Встречать сопротивленье ветра,
Свободой щедро надыхаться
Зовут в заоблачные недра.

...

За серебро зимы заброшены –
Затей у снежной в изобилии! –
Скрипят суставами замёрзшими
До лета сложенные крылья.

Обида

В речную гладь забрасывают камень –
И всхлипывает, жалуясь, вода.
Соединяя порванные ткани,
Она не будет прежней. Никогда.
И пусть переживания не вечны,
Увечие волнением пройдёт,
Затянет камень илом и излечит
Своим течением глубины вод,
И вскоре ничего уж не напомнит
О грубости вторжения извне –
Не растворится каменный паломник.
Ранением останется на дне.

* * *

Успеть сказать – сказать в глаза,
В глазах раскрытых отразиться.
И, отразившись, раствориться,
Но никогда не исчезать.

Поэзия

До трона вы позвольте мне дотронуться,
От всплеска пульса потерять сознание,
Опомниться, сославшись на бессонницу,
Помноженную на препоны расстояния.
Пустое всё. Прошу не беспокоиться,
Простите робкую мою бесформенность,
Но быть лишь отголоском вашей звонницы
Душа моя пока не приспособилась.
Слагали жизнь за вас, как рифмы, маршалы,
Такие говорящие фамилии,
Эпохи проходили мимо маршами,
Казнили лучших – отсекали крылья и
Их перья, словно жертвы, вы, покорная,
В руках своих держали без смущения.
Не раздавайте их, чтоб не потворствовать
Опальных фаворитов воскрешению.

Грузия

Кто-то нервный рвал руками
Это облачное небо,
Комкал и кидал к подножью
Молчаливых гор скалистых.
Сквозь обрывки прорастали
Храмов византийских стебли,
И читал молитвы ветер,
Чётками считая листья.
Солнце шалью золотую
Всю окутывает пажить,
Напитавшуюся вдоволь
Влагой ледяной, хрустальной.
Нерушимые устои
Здесь стоят в веках на страже
Чистой крови виноградной
И её Христовой тайны.

* * *

И мы, как мухи в янтаре,
Зависли в этом январе,
И даже пусть не по судьбе,
А как-то сами по себе.
Остановило время счёт –
Нам всё равно, что жизнь течёт
В непоправимом далеке.
А мы с тобою належке
Парим, сбежав от суеты.
Нас только двое: я и ты.

* * *

То ли бред, то ли сон – полуявь.
В тучах солнечная полынья.
Молчалив, но ещё не исчез,
Привидением высохший лес
Тянет тени ветвей восковых
До того, кто остался в живых;
Справедливости требует он
Зря. Погостная стая ворон
Не способна ответ ему дать,
Почему должен он умирать.

* * *

Я к звёздам обращалась столько раз
С вопросами порою полуночной,
Светила, к диалогу не стремясь,
Мне часто отвечали многоточьем.
О недосказанность! Блаженна и она –
Вселенною оказанная милость,
Но знаком препинания луна
Являлась, чтобы тайное не сбылось.

...
Но грежу – я увижу звездопад:
Такие восклицанья одобрений,
Что для меня они отождествят
Исполненность
Или возможность претворений.

Море

Утыкано булавками посуды,
В блокаде между гор и городов,
Песчаных пляжей, каменных портов,
По божьей воле на забаву людям
Чудовище вольеру разгрызает.
В песок крошатся зубы у него,
Теснит зевак в настрое боевом –
В нём ненависть стихийная глухая.
Нет, никому его не приручить,
Не подчинить и властью не похвастать,
Зверь устаёт – и потому лишь ласков:
Льнёт, лижется, играет и урчит.

* * *

Сквозь солёное стекло слёз,
Сквозь толчёное стекло фраз,
Всеми чувствами под откос
Обрываюсь в который раз.
Мой уютный мирок исчез,
Растворился самообман.
Состояний моих оркестр
Дирижёра сводит с ума.

Память

Не говори со мною о войне,
Как будто тем для разговора мало.
Частицей ДНК она во мне,
Комком в гортани, сколько б ни глотала,
Она – глубинный первобытный страх,
Не истребим, а только заморожен,
Пульсирующим датчиком в висках
Взрывателя, что памятью заложен.

...
Я расскажу: восемнадцатилетним
Он в первый раз вдохнул военный дым.
Пусть говорят, что сердца нет у смерти –
Она его оставила живым.
На память, словно ладанку, зашила
Осколочек, чтоб не сумел забыть.
Свинцовым приворотом ворожила,
Но жизнь дала достойную прожить.
Мне подарила тёплые ладони
Его любви, но долго не ждала:
Решила деду о себе напомнить
И, как в бою, осколком догнала.

* * *

Я – крайне уязвимая пята,
Не устоять мне в ваших испытаньях,
И мир не тот, и я совсем не та,
Нам не прийти к взаимопониманью.
Я не бунтую, Боже упаси,
Лишь чувствую себя незащищённой.
Но, всё же, больше мне невыносим
Свет, видимый в бойницу бастиона.